

Высшая школа стоит сейчас перед непростым выбором – найти оптимальные пути своего дальнейшего развития. Что более важно? Научить студента учиться или дать как можно больший объем информации о знаниях, фактах, теориях? Как отмечали древние философы, зажечь факел познания или наполнить сосуд знаниями? В теории вопрос решен в пользу факела, дело за практикой – научить студента учиться самостоятельно (научиться жить, научиться знать, научиться делать, научиться жить вместе).

Смена приоритетов – дело времени. Темпы реализации новых подходов во многом зависят от активности преподавателя, требованиями к которому становятся совершенствование собственной личности как главного инструмента в работе; проявление заботы о развитии и поддержке индивидуальности каждого студента, гуманной педагогической позиции; умение работать с содержанием обучения, придавать ему личностно-смысловую направленность, создавая и постоянно обогащая образовательную среду.

Литература

1. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация: Научное издание. М., 1999.
2. Духавнева А.В., Столяренко Л.Д. История зарубежной педагогики и философия образования. Серия: Учебники, учебные пособия. Ростов н/Д, 2000.
3. Шварцман К.А. Проблемы нравственного воспитания: (В поиске решений). М., 1988.
4. Корнилова Г.В., Григоренко Е.Л. Сравнение личностных особенностей российских и американских студентов // Вопросы психологии. 1995. № 5.
5. Лапкин М.М., Яковлева Н.В. Мотивация учебной деятельности и успешность обучения студентов вузов // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 4.
6. Соколова М.М. Мотивация студентов к учебе в зависимости от установки на будущую профессиональную деятельность // Психологическая наука: традиции, современное состояние и перспективы: Тез. докл. науч. конф. Института психологии РАН. М., 1997.
7. Шевандрин Н.И. Социальная психология в образовании. Ч. 1: Концептуальные и прикладные основы социальной психологии. М., 1995.

О.Б. Гужавина

МЕНТАЛЬНОСТЬ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Томский государственный педагогический университет

Исследование проблемы ментальности несомненно ведет свое начало от французской исторической науки. Изучение картины мира является основной задачей и ведущим историческим направлением в современной Франции. В Германии это направление связано с социологией повседневной жизни и с феноменологической социологией. Сегодня высказываются самые разные мнения о соотношении истории ментальностей и исторической антропологии и о перспективах этого союза. Объединяет эти научные направления их интерес к полуосознанным человеческим представлениям и соответствующим им нормам поведения.

Собственно, на первый план проблему ментальности и все, с ней связанное, вывели призывы Л. Февра и М. Блока к историкам отказаться от академической истории, занятой одними только текстами, и вернуться к жгучим проблемам современности, привлекая для их разрешения опыт людей прошлого, а значит, воскрешая жизнь этих людей во всей ее полноте и сложности – их привычки чувствовать и мыслить, их повседневную жизнь, их способы борьбы с обстоятельствами. Пользуясь данными географии, экономики, психологии, лингвистики, Л. Февр и М. Блок стремились к воссозданию не отдельных сто-

рон действительности, а целостного представления о жизни людей. «Удобства ради, – писал Л. Февр, – человека можно притянуть к делу за что угодно – за ногу, за руку, а то и за волосы, но, едва начав тянуть, мы непременно вытянем его целиком». Этот призыв в дальнейшем породил самые разные интерпретации проблемы.

Последователи Л. Февра и М. Блока объединились вокруг журнала «Анналы» и причисляются по сей день к школе «Анналов». Сегодня она представлена уже целым спектром историографических течений, таких как новая экономическая история, новая социальная история, историческая демография, история ментальностей, история повседневности, микроистория, а также рядом более узких направлений исследования (история женщин, детства, старости, тела, питания, болезней, смерти, сна, жестов и т.д.). В послевоенные годы преобладающей в «Анналах» была ее экономическая версия, связанная с именем Ф. Броделя. Интересы его сторонников были сосредоточены на реконструкции экономических отношений, главным образом «материальной жизни» прошлого, тесно связанной с повседневностью и существующей во времени «большой длительности». Изучение того, что М. Блок называл способами чув-

ствовать и мыслить, оказалось почти забытым. За возрождение этого подхода выступили в начале 60-х гг. Ж. Дюби и Р. Мандру, поддержанные группой молодых историков, составивших третье поколение школы «Анналов», – Ж. Ле Гоффом, А. Бюргером, М. Ферро и др. Подходы Ф. Броделя были подвергнуты критике за абстрактность, схематизм и «обесчеловеченность». Именно с того времени вошли в широкий научный оборот понятия истории ментальностей и исторической антропологии.

Этот повторный разрыв с предшествовавшим аналитическим подходом выразился в отказе уже не от традиционного описательно-событийного понимания истории, а от понимания истории как социальной и экономической, скрупулезно разработанной методологически, функционалистски или марксистски интерпретированной, нацеленной на изучение систем и структур. «Экономической и социальной истории не существует, – писал Л. Февр. – Люди – единственный подлинный объект истории. История не интересуется каким-то абстрактным, вечным, неизменным по сути своей человеком, всегда подобным самому себе. История – наука о человеке, о непрерывных изменениях человеческого общества, об их постоянных и неизбежных приспособлениях к новым условиям существования – материального, политического, морального, религиозного, интеллектуального. Наука о тех соответствиях, о том равновесии, которое во все эпохи само собой устанавливается между различными и одновременными условиями человеческого бытия: условиями материальными, условиями техническими, условиями духовными» [1, с. 25–26].

Как писал Ж. Ле Гофф, ментальность стала противоядием против «бестелесных социально-экономических механизмов», которыми были полны тогда произведения историков. Отвергая системно-структурную историю, новая историческая наука снова отправлялась на поиски живого человека. Начиная с 60-х гг., залог «человечности» истории усматривается «новыми историками» в изучении ментальной сферы» [2, с. 5–6]. Ментальность явилась тем основанием, посредством которого стали рассматривать историческую реальность антропологически ориентированные историки. Таким образом, исследовательское поле Новой исторической школы и исторической антропологии пересекается с исследовательским полем этнопсихологии, которая в значительной мере изучает не «официально принятую» сторону истории различных народов.

Основными темами, которые анализировал Л. Февр, были эпоха и цивилизация. С его точки зрения, в цивилизации воплощено единство всех сторон материальной и духовной жизни. Он настаивал на качественных различиях между цивилизациями, утверждая, что каждая из них имеет неповторимые особенности, собственную систему мировосприятия.

Понять специфику цивилизации и особенности поведения принадлежащих к ней людей – значит, реконструировать присущий им способ восприятия действительности, познакомиться с их «мыслительным и чувственным инструментарием, т.е. с теми возможностями осознания себя и мира, которые данное общество предоставляет в распоряжение индивида» [1, с. 513]. Индивидуальное же мировидение, по Л. Февру, не что иное, как один из вариантов коллективного мировидения. Каждая культура представляет собой ансамбль компонентов, которые при всех противоречиях между ними тем не менее соотношены друг с другом [там же].

Ментальность как способ видения мира не идентична идеологии, имеющей дело с продуманными системами мысли, она во многом – может быть, в главном – остается нерелексированной и логически не выявленной. Ментальность – не философская, научная или эстетическая система, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоции, от латентных привычек, от приемов сознания – люди ими пользуются, сами того не замечая, не вдумываясь в их существо и предпосылки, в их логическую обоснованность. Поэтому ментальность, принадлежащая сфере социальной психологии, не формулируется четко и непротиворечиво. Она принадлежит к «плану содержания», а не к «плану выражения» [1, с. 517–518.]

Л. Февр поступил в соответствии с идеей К. Леви-Стросса о правомочности использования методологических наработок одних наук для решения задач других [3, с. 39–41] – воспринял те подходы в изучении человеческой психики, которые разрабатывали психологи и этнологи, и использовал их для понимания истории. Коллективное бессознательное, «задействованное» Э. Дюркгеймом, Л. Леви-Брюлем, К.Г. Юнгом, получило право интерпретации фактов в историческом исследовании.

Слово «mentality», обозначающее ключевое понятие, введенное Л. Февром и М. Блоком в историческую науку, по мнению многих исследователей, трудно перевести однозначно. До настоящего времени единого общепринятого определения менталитета нет в зарубежной исторической науке [4, с. 158–166]. Это и «умонастроение», и «мыслительные установки», и «коллективные представления», и «склад ума». Но, вероятно, понятие «видение мира» ближе передает тот смысл, который они вкладывают в этот термин, применяя его к психологии людей минувших эпох [1, с. 518]. Если Л. Леви-Брюль и другие этнологи писали о специфической ментальности первобытных людей, то Л. Февр и М. Блок применили это рабочее определение к сознанию людей других обществ. «Каждой цивилизации присущ собственный психологический аппарат, – писал Л. Февр. – Он отвечает потребностям данной эпохи и не предназначен ни для вечности, ни для человеческого рода во-

обще, ни даже для эволюции человеческих цивилизаций. В каждом обществе на данной стадии развития существуют специфические условия для структурирования социального сознания; культура и традиции, язык, образ жизни и религиозность образуют своего рода «матрицу» – в ее рамках формируется ментальность. Эпоха, в которую живет индивид, налагает неизгладимый отпечаток на его мировосприятие, дает ему определенные формы психических реакций и поведения, и эти особенности духовного оснащения обнаруживаются в коллективном сознании общественных групп и толп и в индивидуальном сознании выдающихся представителей эпохи – в творчестве последних при всех неповторимых, уникальных событиях – проявления тех же черт ментальности, ибо всем людям, принадлежащим к данному обществу, культура предлагает общий умственный инструментарий, и уже от способностей и возможностей того или иного индивида зависит, в какой мере он им овладеет» [1, с. 522].

М. Блок был сторонником сравнительного анализа, который способствует выявлению как общего в различных культурах, так и особенностей каждой из них. Такое сравнение должно быть лишено оценочных суждений. Понятие «культура» Блок рассматривает в антропологическом и этнологическом смысле как образ жизни и мышления людей данной социальной общности, как неотъемлемый компонент социальной системы. Культура не ограничивается суммой индивидуальных творений великих людей, ибо обычаи, нравы, верования, привычки сознания, способы мировосприятия, картины мира запечатлены во всех созданиях человека, и в первую очередь в языке, – все это выражает духовную жизнь людей и должно быть изучено как для ее понимания, так и для уяснения способа функционирования общества [1, с. 535–536].

Современные историко-культурологические исследования видят свою задачу не в разработке истории ментальностей, какой ее видел Л. Февр, – как историю эмоций и идей, а в постижении характера и функции ментальностей в совокупном движении исторической жизни. Ментальность, как историки могут обнаружить в сотрудничестве со специалистами других отраслей человековедения, образует в каждую эпоху некую целостность, сложную и противоречивую картину мира, и на реконструкции разных картин мира в разных цивилизациях и в разные периоды истории и направлены усилия представителей «новой исторической науки». Этот подход восходит к социологическому взгляду на историю М. Блока [1, с. 537].

Несомненный гуманизм и искренний интерес к человеку как самоценности направляют исследовательский взгляд создателей и последователей исторической антропологии.

Отсутствие единства в определении того, что же такое есть сама ментальность, предоставляет широ-

кие возможности для выбора и свободного поиска при исследованиях в конкретных областях. Еще Ж. Ле Гофф в свое время предложил смириться с расплывчатостью («двусмысленностью») понятия «ментальность», именно в ней усматривая его богатство и многозначность, созвучные изучаемому объекту [5, с. 40–42]. Впрочем это не остановило попыток точнее определить ментальность. В поле зрения оказывается, таким образом, вся ментальная сфера – противоречивая и изменчивая, сотканная из различных групповых и индивидуальных представлений, колеблемая борьбой групп и индивидов за собственное видение реальности. Для современных исследователей характерен интерес к разнообразию групповых менталитетов. Если раньше речь шла о единой для всего общества ментальности, то теперь чаще говорят о различных ментальностях – что и отразилось в утвердившемся на сегодня названии дисциплины. Сохраняется только стремление центрировать всю эту сферу на неосознанное, с которого начинается менталитет, включая в себя затем и сферу сознания.

Тенденция к расширению исследовательского поля характерна не только для изучения собственно ментальности, но и для исторической антропологии в целом. «Новая историческая наука» снова претендует на исследование тех сфер действительности, которые были в свое время отвергнуты ею как недостойные внимания. Возвращается в историческую антропологию изучение права, возвращается экономика, которым на определенном этапе было отказано в антропологическом статусе. Историческая антропология, таким образом, претендует сегодня на изучение практически всех сфер действительности – в проекции человеческих представлений о них. Сегодня, с антропологической точки зрения, Новое время не столь радикально отличается от средневековья, как это традиционно считалось. Ж. Ле Гофф определил это явление как «долгое средневековье», в котором архаическое проступает все снова и снова сквозь новые, казалось бы, формы.

С нашей точки зрения, наиболее удачными определениями ментальности являются определения А.Я. Гуревича и Ф. Грауса. Этнопсихология не считает, что отсутствие четкого определения понятий «ментальность» и «картина мира» является их достоинством. Она стремится разработать представление о структуре, функциях, механизмах поддержания стабильности или же изменений картины мира, т.е. создать стройную научную теорию, охватывающую по возможности большую часть аспектов, связанных с функционированием этноса как социокультурной системы.

Ф. Граус считает, что словом «менталитет» называют часто все то, что не подпадает под определение понятий «политика», «социально-экономические отношения», «обычаи», «законы». Оно позволяет

продвигаться дальше в давно разрабатываемых областях исследований, там, где традиционные взгляды не дают эффекта, например в изучении ведовства, легенд и мифов и т.п. С помощью этого слова объясняют и то, что представляется странным и непонятным в культуре и истории других народов.

Менталитет – это «общий тонус» долговременных форм поведения и мнений индивидуумов в пределах групп. Менталитет никогда не монолитен, часто противоречив: он образует специфические «вживленные образы», стереотипы мнений и действий. Он проявляется в предрасположенности индивидуума к определенным типам реакций – собственно, он является их механизмом. Менталитет не тождествен высказанным мыслям и видимым образам действия. Менталитет стоит за ними и определяет границу между тем, что человек вообще может помыслить и допустить, и тем, что он ощущает как «немыслимое», «невозможное».

Менталитет изменяется со временем, причем различные мнения и образы поведения обнаруживают неодинаковую жизнестойкость. Даже менталитет одного человека частично меняется с возрастом. Таким образом, менталитет – это всегда схема, элементы которой различаются по возрасту, происхождению, интенсивности. Историческим изучением менталитета является исследование суммы механизмов реакций и базовых представлений, характерных для ограниченных групп на заданном отрезке времени [5, с. 79–80].

А.Я. Гуревич считает, что человеческая личность является микрокосмом социокультурной системы. Но личность, в потенции вмещающая в себя эту систему, вместе с тем находится внутри нее в том смысле, что микрокосм одновременно и вмещает в себя макрокосм, и отражает его в себе. Если историк в состоянии обнаружить несколько последовательных «срезов» и находит различия между ними, то тем самым, возможно, он приближается к пониманию того, как эти различия возникли и что послужило причиной развития. Историки ментальностей, интеллектуальной жизни, системы ценностей, воображения оказались перед необходимостью связать культуру с со-

циальной структурой, понять их в единстве как проявления активности, жизнедеятельности общественного человека. Понять эти связи, корреляции, опосредования, взаимодействия, расхождения и противоречия, ничего не упрощая, не «спрямляя», не подгоняя под унифицированную априорную схему [6, с. 85].

«Общество и его члены в своей жизни, в своих поступках в меньшей мере сообразуются с объективной реальностью, чем с ее образом, который вырабатывается их сознанием. Такой подход может определить как антропологически ориентированную историю» [7, с. 7]. Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания, не отрефлексированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков. Идеи на уровне ментальности – это не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные концепции, а восприятие такого рода идей определенной социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, искажает и упрощает.

Ментальность имеет свою особую сферу со специфическими закономерностями и ритмами, противоречиво и опосредованно связанную с миром идей в собственном смысле слова, но ни в какой мере не сводимой к нему. Проблема «народной культуры», – сколь ни неопределенно это наименование, – как проблема духовной жизни масс, отличной от официальной культуры верхов, ныне приобрела новое огромное значение именно в свете исследования ментальностей. Отражение определенных условий исторического процесса в общественной психологии – обычно преображенное и даже искаженное, и культурные, и религиозные традиции и стереотипы играют в ее формировании и функционировании значительную роль.

Разглядеть за «планом выражения» «план содержания», проникнуть в этот пласт общественного сознания – задача первостепенной научной важности и огромной интеллектуальной привлекательности. Ее разработка открывает перед исследователями необозримые перспективы.

Литература

1. Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
2. История ментальностей и историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1997.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001.
4. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? // Отечественная история. 1995. № 3.
5. История ментальностей и историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
6. Гуревич А.Я. К читателю // Одиссей. М., 1989.
7. Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. М., 1990.